

УДК 81.42

Грецкая С.С.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

КОНТЕКСТНЫЕ МОДЕЛИ ДИСКУРСА И ЭТНОЦЕНТРИЗМ

Аннотация. Представленная статья посвящена изучению значимости этноцентризма для контекстных моделей автора дискурса, рассчитанного на представителей как ингруппы, так и аутгруппы, на материале романа «Больше Бэна, или Русский сюрприз для Королевы-Мамы» Б. Сакина и П. Тетерского» и художественного кинофильма «Bigga than Ben» С. Хэйлвуд. Описываются вербальные и невербальные проявления этноцентризма в проанализированных произведениях, выявляются обусловленные этноцентризмом культурно-специфические трансформации ряда образов из романа в кинопроизведении. На основании качественных и количественных данных анализа делаются выводы о неизбежности закрепления этноцентризма в контекстных моделях и, как следствие, в дискурсе. *Ключевые слова:* дискурс, контекст, ин-/аутгруппа, этноцентризм, культурная специфика контекстных моделей.

S. Gretskaya

*Lomonosov Moscow State University
119991, Moscow, Leninskie Gory, 1, Russian Federation*

DISCOURSE CONTEXT MODELS AND ETHNOCENTRISM

Abstract. The article focuses on the relevance of ethnocentrism for context models constructed by authors producing discourse for in-group and out-group audiences, through the examples of the novel "Bigger than Ben, or a Russian Surprise for the Queen Mum" by S. Sakin and P. Tetersky and the feature film "Bigga than Ben" by S. Halewood. The paper marks out some verbal and non-verbal manifestations of ethnocentrism. Besides, a number of characters from the novel and their culture-specific transformations in the film caused by ethnocentrism are analyzed. Conclusions about the inevitable presence of ethnocentrism in context models, and hence in discourse, are made basing on qualitative and quantitative data acquired. *Key words:* discourse, context, in-/out-group, ethnocentrism, cultural specificity of context models.

Как известно, субъект дискурсивной деятельности диалектически сочетает в себе индивидуальное и коллективное – он неизбежно является

продуктом породившей его культуры, в рамках которой он вырос и/или привык функционировать, а потому при производстве и интерпретации дискурса на его индивидуально-личностное отношение как к объективной действительности, так и к самому дискурсу не может не оказывать воздействие закрепленное в конкретных языковых средствах коллективное мировосприятие. Более того, в трудах многих современных отечественных и зарубежных исследователей в качестве аксиоматического положения фигурирует идея о том, что при производстве дискурса, «несмотря на наличие в сознании коммуникантов обширного когнитивного пространства, включающего индивидуальные знания, полученные в результате обработки личного опыта, в своем речевом поведении участники общения опираются на те знания и представления, которыми обладают все члены одного с ними языкового сообщества, и на знания, составляющие общий когнитивный фонд участников данной интеракции» [5, с. 7].

Принимая во внимание этот факт, а также возрастающий интерес специалистов, занимающихся исследованиями в области лингвистики, культурной антропологии, межкультурной коммуникации и других наук о человеке, к межличностному взаимодействию в условиях интенсификации межгосударственных и межэтнических контактов и возрастающей поликультурности социума, представляется логичным поставить вопрос о значимости этноцентризма для контекстных моделей адресанта дискурса.

Поскольку, согласно концепции социальной идентичности А. Тэшфела и Дж. Тернера, принадлежность к определенной социальной группе имеет для индивида эмоциональное и оценочное значение, как следствие необходимости повысить положительную оценку самого себя и членов своей группы в результате сопоставления последней с чужими группами возникает явление межгрупповой дискриминации [7]. В свою очередь С.В. Лурье в часто цитируемой работе «Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала» отмечает, что в «центральной зоне» любой этнической культуры в бессознательном слое психики каждого отдельно взятого ее члена не могут не быть локализованы источник добра («мы – образ» и «образ покровителя»), источник зла («образ врага») и представление о способе действия, при котором добро побеждает зло [3]. Иными словами, противопоставление Своих и Чужих в подсознании и сознании представителя любой культуры с целью утвердиться в превосходстве Своих неизбежно и необходимо для формирования и поддержания положительной социальной идентичности и индивидуального психологического здоровья. Отсюда закономерное воплощение в дискурсе различных проявлений ксенофобии в самом широком смысле как негативных установок по отношению к Чужим.

В рамках настоящей статьи, посвященной изучению отношений между контекстными моделями и этноцентризмом, под этноцентризмом мы понимаем предпочтение своей этнической группы как сочетающееся с терпимым отношением к межгрупповым различиям [6], так и доходящее до открытой неприязни к иным этническим группам вплоть до агрессивности [4, с. 288]; контексты же рассматриваем в соответствии с концепцией Т. ван Дейка как ментальные модели особого типа, представляющие собой своего рода «интерфейс» между ситуативными моделями человеческого опыта и дискурсом. Ввиду того, что «контекстные модели контролируют стратегический поиск по эпизодической памяти (какие модели оказываются подходящими?), а также управляют поиском внутри самих моделей (какого рода информация о ситуации должна быть передана в тексте?)» [1, с. 170], анализ конкретного дискурса позволит выявить наиболее релевантные для адресанта (и потенциального реципиента) данного дискурса элементы микро- и макроконтекста и, значит, приблизиться к пониманию места этноцентризма в его контекстной модели. Безусловно, адекватный и обоснованный ответ на поставленный вопрос требует тщательного анализа дискурсов разных видов и типов, учета принадлежности адресантов к ингруппе/аутгруппе, их самоидентификации как представителей большинства/меньшинства и т.п., что невозможно в силу принятых требований к объему статьи. Поэтому мы прокомментируем результаты лишь одного из этапов нашего исследования.

В настоящей работе, в отличие от исследований, выполненных в русле критической лингвистики и критического дискурс-анализа, речь пойдет не о «характеристиках дискурса, которые чаще всего ассоциируются с выражением, подтверждением, воспроизводством или вызовом социальной власти адресантов как членов доминирующих групп» [9], а о проявлениях этноцентризма в дискурсе, адресант и адресат которого принадлежат к ингруппе, оказывающейся в меньшинстве в условиях межкультурного общения, или когда автор дискурса, являясь представителем доминирующей группы, из соображений политической корректности стремится по возможности нивелировать различия между Своими и меньшинствами, как внутри своей культуры, так и за её пределами. Цель работы состоит в том, чтобы, с одной стороны, проиллюстрировать неизбежность проявления этноцентризма в контекстных моделях автора дискурса, рассчитанного на ингрупповую аудиторию, которая в условиях межкультурного общения становится меньшинством, а с другой – выявить культурную специфику в выражении этноцентризма адресантом – членом доминирующей группы, если его интенция состоит в том, чтобы минимизировать негативизацию аутгруппового меньшинства.

Материалом данного исследования послужило дискурсивное пространство романа «Больше Бэна, или Русский сюрприз для Королевы-Мамы» Б. Сакина и П. Тетерского (2001) [10], а также британского художественного кинофильма “Bigga than Ben” (2008) [12], то есть русскоязычный вербальный текст, с одной стороны, и преимущественно англоязычный поликодовый – с другой. Несмотря на то, что в основу обоих художественных произведений положен один сюжет – «похождения» двух дерзких молодых людей из России в Лондоне на рубеже XX–XXI вв., первое представляет собой экспрессивные, местами путанные дневниковые записи самих «московских проходимцев» – адресантов, представляющих себя «детьми, свободными в большом городе взрослых» [10], эдакими мятущимися душами, которые делятся впечатлениями о «кайфе жизни „на полную катушку”, головой в пропасть – на раз!» [10] в первую очередь с себе подобными бунтарями из числа соотечественников; второе же, имеющее несомненно более широкую целевую аудиторию благодаря своей полимодусности, а также мировому статусу основного языка озвучивания, является прошедшей через призму британского (английского) мировосприятия адаптацией вышеупомянутого романа. Важно также отметить, что литературное произведение определяется русскими адресантами как «откровение» о «каскаде сумасшедшей жизни, запредельных эмоций и невероятных событий», которыми была наполнена жизнь оказавшихся на чужой земле «подонков» – членов «сложноописуемого социума» внутри своей культуры – и одновременно как «некая инструкция по выживанию в городских джунглях» [10]. В свою очередь второе, порожденное этой самой чужой землей, позиционируется как демонстрация того, «что Лондон, как Москва, и как любой большой город, грабит приезжих, а не они его» [11]. Настаивая в интервью, что «это просто так получилось, что эти герои русские», автор кинопродукта претендует на этнорелятивистское, плюралистическое представление персонажей.

Несмотря на подобное расхождение интенций адресантов, примеры проявления этноцентризма были обнаружены в обоих художественных произведениях. Остановимся подробнее на специфике выражения как предпочтения своей этнической группе, так и неприязни и агрессии по отношению к чужим группам в каждом из них.

Так, с точки зрения проявлений этноцентризма в проанализированном романе «Больше Бэна», в первую очередь, заслуживает внимания вербализованное отношение героев-адресантов к членам интруппы – русским. В зависимости от ситуации, в которой они оказываются в Лондоне в кругу Чужих, их комментарии о Своих варьируются от хвалебных и даже апологетических («За эти месяцы я нашел ответ на вопрос, который терзает европейцев со времен еще белоэмиграции. Вопрос о таинственной русской

душе. Отгадка здесь проста – у русских просто есть душа. А у англичанина – нет. То есть, таинственность русской души заключается в самом факте ее наличия»; «традиционные и естественные, как показалось бы русскому человеку, ценности – семья, дружба, любовь, дети»; «И разговоров „за жизнь“, столь необходимых русскому человеку, в таких компаниях Вы не услышите. А о том, чтобы „последнюю рубашку отдать“ – такого выражения даже не существует в английском языке» [10]) до обличительных и иронически уничижительных («Русских в Лондоне не любят и боятся. Отчасти, в этом виновата небольшая, но чрезвычайно шумная диаспора русской молодежи – детей бандитов, которые от своих отцов получают не только деньги, но и уроки скотских манер», «Сколько же русских в Лондоне!!!!!!!»; «русские бы гадили так же», «обратно в Мытищи, простите, в Баркинг» [10]). Однако эмоционально-психологический «перевес» в пользу своих все-таки имеет место, главным образом благодаря усилению негативного образа Чужих.

На первый взгляд, вполне закономерно и понятно то, что описанные в романе русские молодые люди, которые приехали в столицу Туманного Альбиона в конце 1999 г. «сами не зная зачем» [10], оказавшись в меньшинстве, испытывают отрицательные эмоции по отношению к носителям иной национальной культуры – британской, представленной преимущественно англичанами. Их неприязнь передается благодаря непосредственно оценочным суждениям и отдельным языковым единицам с оценочной семантикой как в самом описании лондонской жизни (типа «мерзопакостный город Лондон <...> кинул <...> самую большую подлянку», «Бездуховности нации сопутствует невеликий интеллектуальный уровень людей, точнее, потрясающая неэрудированность. ДАЛЕКО НЕ КАЖДЫЙ АНГЛИЧАНИН ЗНАЕТ, КТО ТАКОЙ ШЕКСПИР!!!»¹; «загадка, которую мы оказались не в силах разгадать – КАК в ТАКОМ обществе могли появиться ТАКИЕ люди» (речь идет о Шерлоке Холмсе, Шекспире, Сиде Вишезе и Желтой Подводной Лодке), «восторги по поводу Тауерс Бридж и прочей мишуры» [10] и т.п.), так и в претендующем на отстраненность и непредвзятость описании британцев в «вокабуляре», который предваряет дневники: «карнегианцы – „белые воротнички“, люди, живущие и работающие по методам, описанным Д. Карнеги. Часто и без повода улыбаются, на вопросы отвечают уклончиво 90 процентов белого населения Британии» [10].

Ввиду заявленной в проанализированном романе специфики мировоззрения и образа жизни «подонков» – «хороших людей, как правило, низов общества, или же стоящих в оппозиции к оному» [10], представляется, что подобную эмоциональную реакцию вызывает не столько инаковость, непривычность образа мышления Чужих как таковая, сколько роль финан-

¹ Здесь и далее выделения в тексте принадлежат авторам романа

сового благополучия в жизни, что подтверждают рекуррентные комментарии о том, что у «расы роботов», «на уме ТОЛЬКО деньги», «то место, которое у среднестатистического россиянина занимает душа, у среднестатистического кокни занимает небольшой калькулятор по подсчету зарплаты, в крайнем случае – турнирная таблица Кубка УЕФА» и что «при огромном количестве благотворительных фондов англичане остаются достаточно прижимистым народом, по русским меркам – просто жадным» [10].

Помимо приемлемой для социальной группы, к которой принадлежат адресанты, обценной лексики, многочисленные сленговые языковые единицы используются ими для негативизации образа Чужого, представленного как этническим большинством британской интруппы – «WASПами» («White Anglo Saxon Protestant т.е. англичанин» [10]), так и меньшинствами: носителями любой этнической/национальной культуры, исповедующей ислам («чурки», «генетический мусор»), в т.ч. пакистанцами («паки», «риккириллы» и т.д.); любимыми афробританцами («ниггеры», «маупы», «макаки», «гориллы»; «мавры», «питекантропы», «рубериоды», «Шакил О’Нилы» и т.п.); украинцами («рогули/рохули»); представителями прибалтийских народов («лабусы»), итальянцами («макаронники») и т.д. Примечательно, что представители этнических меньшинств Великобритании нередко вызывают даже большую антипатию и провоцируют резкие саркастические замечания героев чаще, чем «карнегианцы»-«киборги», возможно, потому, что в ситуациях межкультурного общения ценности доминирующей этнической группы во имя политкорректности и мультикультурализма доводятся до абсурда. Данное положение иллюстрируют, например, такие комментарии: «– Ниггер жалуется на расизм. Я возражаю: Где? Здесь? Да тут любой скорее палец себе откусит, чем признается в расизме. Кто тебя, говорю, притесняет <...>? Тебя что, кто-нибудь избил <...>? Нет, говорит, такого не бывает. Но, вот если я еду в автобусе и рядом есть свободные места, то белый человек сядет не рядом со мной, а рядом с другим белым. Вот это, дескать, и есть проявление расизма»; «– Ну как же, лабусов здесь и так, как у дурака фантиков. Они устраиваются на работу и отнимают рабочие места у настоящих англичан – чурок, косоваров, косых и ниггеров. Это расизм, потому что лабусы – белые. Если бы они были ниггерами, их бы пускали без вопросов. – Что самое интересное, это – правда» [10]. Отметим также, что высшее гуманитарное образование героев оказывает минимальное воздействие на их представление и замечания о других: «– Рукой Сп. слово «ниггер» написано с одним «джи». Я тыкаю пальцем: – ЭТО СЛОВО пишется с двумя джи! Спайкера это почему-то приводит в восторг. С гоготом обзывает меня интернационалистом и карнегианцем. Глумливо кривляет: «ЭТО слово, да? Это СЛОВО?!» – Рассмешила меня Собаккина политкорректность, обычно

ему не свойственная. Он постеснялся при ниггере сказать слово „ниггер”»; адресанты признаются: «NB/ в Москве мы были расистами» [10].

Принимая во внимание множественные колкости и насмешки героев в адрес Чужих, необходимо обратиться к следующей автохарактеристике авторов дискурса: «Отношение подонков к людям колеблется от ультраненависти скинхэда до сострадания в стиле Матери Терезы, свое отношение к людям подонки формируют в результате физиогномических выводов и невербального общения» [10]. Данное замечание помогает понять, почему нечастый пересмотр адресантами собственного мнения о Чужих в положительную сторону определяется не формальной близостью культур или внешним подобием их представителей, а схожестью опыта и мировосприятия, совместными переживаниями, духовным единением: «Ночевать решаем на стройке. Где и оказываемся запалены охранником маупой! <...> Соб. вступает в диалог и просится переночевать. Негр соглашается. Меня смешит и восторгает выражение полнейшей индифферентности на его щцах. Аллилую пробиваем тебе, неизвестный уроженец Африки жаркой. И не маупа он, а просто негр!» (лексема «негр», согласно «вокабуляру», не используется для обозначения афроангличанина; «Негр (с большой буквы) – дружеское обращение друг к другу» [10]); «Мои недоумение и восторг, видимо, чересчур явственно отражаются в моих глазах, и Тони объясняет свое поведение, идущее перпендикулярно поведению 99 % британского населения. «I'm black & I'm from Jamaica» – такое вот объяснение. Меня оно устраивает»; «В метро добрый мауп, наблюдавший наше просачивание через турникеты, одаривает меня детским проездным» [10]. Однако необходимо сделать оговорку: вышперечисленные факторы заставляют героев трансформировать свое отношение к некоторым представителям аутгруппы только при наличии «угрозы» со стороны третьей культуры, в проанализированном романе – любой группы, члены которой являются мусульманами: «Никогда не думал, что я, московский хулиган, наци, стану негролюбом. Но в чурецком Алпертоне у меня даже походка была другая <...>. Соседство с этим черным как бальзам на наши истерзанные Алпертоном души» [10].

В целом, не вызывает удивления тот факт, что этноцентрические комментарии, а также пейоративные высказывания и отдельные языковые единицы, используемые русскими адресантами в отношении прежде всего англичан, афробританцев и представителей мусульманских культур, преобладают в романе «Больше Бэна».

В свою очередь в дискурсивном пространстве художественного кинофильма “Bigga than Ben” характерный для доминирующей культуры этноцентризм и неприязненные замечания в адрес представителей этнических

меньшинств также обнаруживаются, причем принимают весьма специфический облик.

Во-первых, несмотря на заверения режиссера Сюзи Хэйлвуд в интервью в том, что «большинство людей приезжает вовсе не для того, чтобы ограбить лондонцев, а просто для того, чтобы найти работу и зарабатывать более или менее приличные деньги» (и что её особенно заинтересовали судьбы молодых людей, сначала пытавшихся жить по правилам, а потом нарушать их [11]), полное название кинопродукта включает вполне однозначный броский подзаголовок “A guide to ripping off London” [12], который сразу же представляет героев жуликами. При этом, в отличие от положенного в основу кинофильма русскоязычного романа, где отсутствуют какие бы то ни было замечания о выигрышном состоянии экономики Великобритании по сравнению с остальным миром, в начале британской киноленты один из главных героев, этнический русский и “Moscow scum” (который как настоящий «московский подонок» должен бы испытывать «почти полную апатию к деньгам» [10]), голосом популярного в настоящий момент среди молодежи британского актера Бена Барнса так поясняет принятое друзьями решение приехать в Великобританию: “We decided to go to Los Angeles, where the women are beautiful and anyone can own a Mercedes within six months. But unfortunately, we cannot afford it. Instead, we opted for London. The world’s fourth largest economy has the most even distribution of wealth, a free health-care and welfare system and is a haven for fraudsters.” [12] Тем самым адресант, с одной стороны, акцентирует достижения Своих: четвертое место в мире по темпам экономического развития, наиболее равномерное распределение богатства, бесплатную систему медицины и социального обеспечения; а с другой – объясняет привлекательность государства для неграждан: условия прибытия в страну и жизни в ней представлены настолько соблазнительными, что адресату становится понятной неспособность мошенников устоять перед искушением.

Во-вторых, на протяжении всех 85 минут экранного времени имеет место только один случай прямого вербального выражения доминирующей этнической группой недовольства наплывом иностранцев в Великобританию. Как бы в ответ на сетования и негодование иммигранта из Афганистана (который вообще не фигурирует в романе), о том, что бессовестных беженцев, паразитирующих за счет государства, вывозят в забытые Богом городки типа Бистера (причем персонаж по незнанию называет город Бисестером из-за особенностей написания топонима “Bicester”), аккуратная «карнегианка» в возрасте сдержанно заявляет в камеру: “I would thank you to note that Bicester is a thriving traditional Saxon market town. We didn’t ask for 10,000 immigrants to be put here” [12].

Вместе с тем даже ярче, на наш взгляд, самовозвышение большинства проявляется за счет негативизации образов меньшинств, не только аутгрупповых, но и ингрупповых. Так, возможно, наиболее яркими примерами для реципиента – представителя этнической группы русских являются особенности образов главных героев, упрочивающие стереотипы о русской культуре: у «московских подонков» в качестве рингтонов на мобильных телефонах установлены гимн РФ и «Калинка», а не произведения Моцарта и Бизе из оригинального произведения; героев безуспешно пытаются поймать милиционеры с собакой, потому что те не желают «бороться за свою страну» [12]; молодые люди не производят впечатления «активно общающихся к сокровищам мировой культуры», а принадлежат скорее к столь противным им «среднячкам-имбецилам» [10] – они уже не беседуют о творчестве Д. Керуака и близких по духу С. Довлатова, М. Веллера и других отечественных литераторов, не философствуют о кольце царя Соломона и «Страданиях юного Вертера» И.В. Гёте [10], а друзей среди представителей других культур обретают не столько из-за своевременной помощи и общности взглядов на жизнь, сколько благодаря совместному употреблению алкоголя и наркотиков. Кроме того, интересна трансформация в дискурсивном пространстве кинопродукта привычного для британцев механизма повышения социальной безопасности “neighbourhood watch”, которое герои романа называют «соседским соглядательством», возможным «только в стране, где все слепо следуют букве закона и предписаниям властей», «чем-то напоминающим 37 год» [10], в нелепо жестокое детище СССР. Следующий диалог в кинофильме сопровождается стилизованной «состаренной» сценой ареста некоего мужчины, за которой с широкой глуповатой улыбкой наблюдает мальчик лет пяти: “– Why can we not stay in the house? I thought you say this guy not here? – Too risky. This is Neighbourhood Watch area. Poshli! – Let me explain something about this Neighbourhood Watch scheme. Pavlik Morozov was a hero of Stalin’s time. Because he informed the authorities that his father was hiding wheat from the Bolsheviks, his father was taken away and shot. His photo now hangs in every classroom of Soviet Union as an example to us all” [12].

Безусловно, не менее едкими оказываются и замечания «московских подонков» и их друга Еврея о британцах и пакистанцах. Варьируясь от просто резких до делегитимизирующих (“You have to look and sound English. Or you will be shot for being a terrorist.”; “Believe me, in this country, money can buy you anything. Even a bloody knighthood.”; “– I need to remember what food smell like this, will never by mistake steal from Paki shop. The question remains, where does this terrifying stench like rotting garbage come from? – I think I found it. – Great. Not only armpit but imam armpit.”; “I simultaneously want to puke, to shoot myself and drop napalm bombs on this little area full of

unshaven dirty barbarians in cheap clothes.” [12]), они составляют не более 15 % от общего количества этноцентрических, нацистских и расистских комментариев в британском произведении. Оставшиеся же 85 % представлены раздраженными замечаниями в адрес приезжих со стороны членов групп меньшинств Великобритании, имеющих легальный статус. Среди них и афробританка – администратор в центре помощи бездомным (“I’m afraid this hostel is just for British people. <...> If you go to the Committee for Refugees and seek asylum, then you can get a free blanket. <...> Charity begins at home.” [12]); и оскорбленная запахом немытого тела пакистанка, дающая одному из героев работу уборщиком туалетов: “– Why do they always send Eastern Europeans? – I am from Moscow. – Did you run all the way?” [12], и ирландец, который нечленораздельно говорит по-английски и упрекает друзей в том, что неправильно приезжать в чужую страну без знания языка (“– Do you speak English? – Do you? Can we have subtitles, please?”) и т.п. Более того, афробританец, работающий в банке, где герои планируют открыть счет по приезду в Лондон, сам как бы подталкивает их к нелегальной деятельности, рекомендуя открыть студенческий счет: “– I cannot open bank account right now? – Not today. But don’t worry, it will only take a couple of months. – A couple of months? – You might be able to open up a student account quicker. Are you a student?” [12]. Примечательно также и то, что в оригинальной истории во всех учреждениях, в которые герои обращались за помощью или работой, прежде чем решились на мелкие кражи и махинации, над персонажами, представляющими этнические меньшинства принимающего государства, или вместо них обязательно присутствовал англичанин-«белый воротничок» – средоточие возможных негативных черт.

Отдельно следует отметить и не имеющую отношения к русско-британским отношениям уничижительную характеристику носителей американской культуры, стратегически вложенную адресантом-англичанкой в уста пакистанца-арендодателя: “– So, you wish to rent this armpit in order to install a telephone line, which will provide you with a verifiable domestic bill and complementary calls to Moscow for a month, before the bill, which you have no intention of paying, arrives? – *We went over this already.* – Yes, but you have to explain it twice for the American audience.” [12].

Таким образом, в художественном кинофильме “Bigga than Ben” были обнаружены примеры как незавуалированного выражения положительного отношения автора дискурса к группе Своих, так и создания отрицательных образов Чужих, в том числе из членов собственной ингруппы.

Итак, проведенный анализ дискурсов на одну тему, созданных адресантами, которые принадлежат к культурам, находящимся в оппозиции друг к другу, позволил обнаружить различные случаи вербального и невер-

бального закрепления этноцентризма в дискурсе, а также обусловленные культурной принадлежностью адресанта изменения ряда образов Чужого в пользу представителей Своей культуры и неуспешные попытки представить свободный от этноцентризма дискурс за счет использования образов представителей меньшинств собственной ингруппы для выражения негативного отношения к Чужим.

Следовательно, данное исследование дает основания говорить о непреложности проявления этноцентризма как гибкого, так и воинственного в дискурсе и значит, его релевантности для контекстных моделей авторов адресованных ингруппе и аутгруппе дискурсов, поскольку известно, что «когнитивное варьирование в дискурсе как конструирование мира, его объектов, явлений, обусловленное социокультурными знаниями субъекта, представляя собой индивидуальный фокус внимания субъекта на конкретных объектах, явлениях, обеспечивается контекстом коллективных знаний и основывается на нем» [2, с. 17].

ЛИТЕРАТУРА:

1. ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
2. ван Дейк Т.А. Дискурс и доминирование // СДА. Научный журнал Современный дискурс-анализ. [Электронный ресурс]. URL: <http://discourseanalysis.org/ada1/st1.shtml> (дата обращения: 06.03.2016).
3. Дубровская О.Г. Субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тамбов, 2015. 43 с.
4. Лурье С.В. Утоптанная тропа сквозь темный лес. Введение в теорию традиционного сознания // Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. СПб.: Типография им. Котлякова, 1994. С. 50–76.
5. Сакин С., Тетерский П. Больше Бэна // Электронная библиотека Royallib. Com [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.com/read/sakin_serгей/bolshe_bena.html#0 (дата обращения: 06.03.2016).
6. Стефанеко Т.Г. Этнопсихология. 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2004. 368 с.
7. Цурикова Л.В. Межкультурное взаимодействие с позиций когнитивно-дискурсивного подхода // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 1. С. 5–15
8. Экватор ММКФ [Электронный ресурс] // 30-й Московский Международный кинофестиваль 2009 г.: [сайт]. URL: <http://www.moscowfilmfestival.ru/30/news/detail/107/> (дата обращения: 06.03.2016).
9. Bigga than Ben [Электронный ресурс. // IMDb.com. URL: <http://www.imdb.com/title/tt0831275/> (дата обращения: 06.03.2016).
10. Brewer M.B., Campbell D.T. Ethnocentrism and Intergroup Attitudes: East African Evidence. N.Y.: Halsted/Wiley, 1976. 224 p.

11. van Dijk T.A. *Discourse and Context. A Sociocognitive Approach*. New York: Cambridge University Press, 2008. 267 c.

12. Turner J.C. Social comparison and social identity: Some prospects for intergroup behaviour // *European Journal of Social Psychology*. 1975. № 5. С. 5–34.

REFERENCES:

1. van Dijk T.A. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. B., BGK im. I.A. Boduena de Kurtene, 2000. 308 p.

2. van Dijk T.A. Diskurs i dominirovanie [Discourse and Dominance] // *SDA. Nauchnyi zhurnal Sovremennyyi diskurs-analiz* [SDA. Scientific Journal Contemporary Discourse Analysis]. [Electronic source]. URL: <http://discourseanalysis.org/ada1/st1.shtml> (request date: 06.03.2016).

3. Dubrovskaya O.G. *Sub'ektnyi printsip formirovaniya sotsiokul'turnoi spetsifiki diskursa: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [The Subjective Principle of Formation of the Socio-cultural Specificity of Discourse: Abstract of Thesis... Doctor of Philol. Sci.]. Tambov, 2015. 43 p.

4. Lur'e S.V. *Utopannaya tropa skvoz' temnyi les. Vvedenie v teoriyu traditsionnogo soznaniya* [A Beaten Path through the Dark Forest. Introduction to the Theory of Traditional Consciousness] // *Metamorfozy traditsionnogo soznaniya. Opyt razrabotki teoreticheskikh osnov etnopsikhologii i ikh primeneniya k analizu istoricheskogo i etnograficheskogo materiala* [Metamorphosis of Traditional Consciousness. Experience in the Development of the Theoretical Foundations of Psychology and their Application to the Analysis of Historical and Ethnographic Material]. SPb., Tipografiya im. Kotlyakova, 1994. pp. 50–76.

5. Sakin S., Teterskii P. *Bol'she Bena* [Bigga than Ben] // *Elektronnaya biblioteka RoyalLib.Com* [Electronic library RoyalLib.Com]. URL: http://royallib.com/read/sakin_sergey/bolshe_bena.html#0 (request date: 06.03.2016).

6. Stefaneko T.G. *Etnopsikhologiya. 3-e izd., ispr. i dop.* [Ethnopsychology. 3rd ed., rev. and sup.]. M., Aspekt Press, 2004. 368 p.

7. Tsurikova L.V. *Mezhkul'turnoe vzaimodeistvie s pozitsii kognitivno-diskursivnogo podkhoda* [Intercultural Interactions Using the Cognitive-Discursive Approach] // *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2006, no. 1, pp. 5–15.

8. *Ekvator MМKF* [The MIFF Equator // 30-i Moskovskii Mezhdunarodnyi kinofestival' 2009 [The 30-th Moscow International Film Festival 2009]. [Electronic source]. URL: <http://www.moscowfilmfestival.ru/30/news/detail/107/> (request date: 06.03.2016).

9. Bigga than Ben [Electronic source] // *IMDb.com*. URL: <http://www.imdb.com/title/tt0831275/> (request date: 06.03.2016).

10. Brewer M.B., Campbell D.T. *Ethnocentrism and Intergroup Attitudes: East African Evidence*. N. Y., Halsted/Wiley, 1976. 224 p.

11. van Dijk T.A. *Discourse and Context. A Sociocognitive Approach*. New York, Cambridge University Press, 2008. 267 p.

12. Turner J.C. Social Comparison and Social Identity: Some Prospects for Intergroup Behaviour // *European Journal of Social Psychology*, 1975, no. 5, pp. 5–34.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Грецкая Софья Сергеевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: gnole_fungle@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Грецкая С.С. Контекстные модели дискурса и этноцентризм // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gretskaya Sophie S. – candidate of philological sciences, lecturer at the Department of Linguistics, Translation and Crosscultural Communication of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; e-mail: gnole_fungle@mail.ru

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Gretskaya S.S. Context Models and Ethnocentrism // Bulletin of Moscow State Regional University (e-journal). 2016. no. 1. URL: www.evestnik-mgou.ru